

К вопросу о специфике типологического анализа в культуре

В статье анализируются дискуссионные проблемы исторической и историко-культурной типологизации. Здесь подчеркивается, что общелогические определения типа недостаточны при рассмотрении явлений истории и культуры, а их абсолютизация ведет к натуралистическому редукционизму, морфологизму и номотетизму. В центре статьи – сопоставление взглядов Д. П. Горского и М. Вебера на концепцию «идеального типа».

Ключевые слова: закон, тип, идеальный тип, номотетизм, морфологизм

Vladimir A. Shchuchenko

To the question about the specifics of the typological analysis in culture

The article analyzes the discussion of the problem of historical and historical-cultural typology. It emphasizes that a general logical determine of the type are inadequate when considering the phenomena of history and culture, and their absolutization leads to a naturalistic picture morphology and nomotheism. In the center of the article there is a comparison of the views of Dmitry P. Gorsky and Max Weber on the concept of the «ideal type».

Keywords: law, type, ideal type, nomotheism, morphology

Культурологические науки не могут не опираться на системный подход, ибо любое индивидуальное образование культуры является объектом, на котором могут быть выстроены самые различные относительно устойчивые системы. Поэтому задача исследования исторически определенного типа культуры как организованной и исторически индивидуальной системы является здесь наиважнейшей.

В культурологических науках используются различные формы выражения самобытного ценностного содержания. Во-первых, это, конечно, система общесоциологических законов, проявляющихся в данной конкретной ситуации специфическим образом. Речь идет в данном случае о законах общесоциологических, распространяющих свое действие на всю сферу духовной жизни общества – на познавательные процессы, на духовную деятельность и, разумеется, на культуру. Во-вторых, это исторически конкретные, дискретные формы, представляющие индивидуальные состояние «оформившейся» духовной структуры. Тут исследователь встречается с символами, образами или «первообразами» (термин А. Ф. Лосева) конкретной культуры, здесь он обращается к выразительным и представляющим возможностям памятников, артефактов культуры. В-третьих, это собственно тип – особая понятийная форма, открывающая возможность обобщающего системного анализа разнообразных культурных общностей (культура эпохи, культура этноса, социальной группы и др.), рационального рассмотрения этих общностей в единстве типологических характеристик.

Как раз тип и является важнейшим инструментом именно культурологических и шире – гуманитарных наук.

Выявляя те или иные элементы типа (назовем их типологическими характеристиками индивидуального образования культуры), исследователь получает уникальную возможность выстроить совокупность обобщений, которые, с одной стороны, выступают формой организации эмпирического материала, а с другой – позволяют выразить конкретно-наглядные свойства типа, преодолеть поверхностность, легковесность «повествовательного речитатива» (описательность, фрагментарность, случайность отбора, гипертрофия прерывности и др.), увидеть глубинные, скрытые процессы. Понятие типа культуры как органичного целого содержательно конкретизирует понятие культурной формы.

Тип культуры, существующий в определенных пространственно-временных границах (историческая эпоха, исторический период, жизнь этноса, социальной группы и др.), представляет собою некую особую рода духовную реальность, духовную матрицу, которая является для этой реальности единой и общей, по-разному выражая себя в разных сферах культуры, в отдельных культурных направлениях, в памятниках, в событийной жизни культуры. Типологическая целостность полицентрична и требуются значительные усилия, направленные на редукцию всего этого многообразия к единству.

При исследовании конкретного типа культуры следует, как подчеркивал Л. М. Баткин, опери-

ровать не элементами, а системами элементов, не суммами, а целостностями. Тип культуры есть нечто единое, некое особое сочетание, включающее (подчеркнем, **всегда** включающее) противоречивые и сложные элементы, между которыми складывается ценностное напряжение, обеспечивающее органическую динамику культуры. Тип нельзя свести к отдельным принципам или мотивам к чему многие исследователи весьма склонны (антропоцентризм, пантеизм, утопизм и др.); он есть их синтез, единство, «их особое сочетание, пронизывающая и конкретизирующая их общность, силовое поле культуры, в котором они располагаются»¹.

Собственно и сама целостность, заметим, возможна именно потому, что организмы, формы культуры пронизаны противоречивыми ценностными токами. Поэтому типологическая общность далеко не всегда выделяется явно, отчетливо; ее черты скрыты, как правило, оболочкой «мешающих» конкретно-исторических проявлений. И здесь недостаточно только дискурсивного анализа; огромную роль тут играет интуиция².

В самом деле, очень непросто перевести содержание художественных образов на язык философии или разглядеть соотносительность религиозных процессов и научных концепций. Культурный тип как бы «захватывает», точнее сказать, стремится «захватить» в свою орбиту все без исключения проявления культуры. Интенсивные характеристики типа доминируют над всем многообразием духовных проявлений.

Прежде чем обратиться к анализу специфики культурно-исторической типологизации целесообразно бросить взгляд на методологические возможности, которые открываются при использовании понятия типа как общелогической формы, применимой и в естествознании, с одной стороны, и в гуманитарных науках, и в том числе в культурологии, с другой. А чтобы правильно поставить проблему типологических обобщений в истории и культуре, необходимо для начала пройти теми путями, которые уже были проложены аналитиками – и русскими, и зарубежными, выявить ценные подходы и указать на исторически устаревшие, неперспективные выводы.

Типологическая проблема не есть проблема, содержательные конструкции которой замкнуты исключительно на общенаучную парадигматику, здесь должны быть учтены и религиозно-метафизические «логические» подходы к типологическому анализу, каким он являет себя в истории и культуре. А между тем начиная с XVIII в. и по сию пору понятийная модель типа опирается, как правило, на опыт естественных

наук, в то время как специфика типологического исследования в исторических и культурологических науках зачастую упускается из виду, а религиозно-метафизические возможности типологического анализа попросту игнорируются. Тип, разумеется, представляет собою общенаучное, теоретически и методологически значимое понятие, в разработке которого участвовали представители естественных наук. Однако сегодня этого уже недостаточно: от общенаучных подходов к типу, которые эвристически очень важны, надо идти к проявлениям этих подходов в культуре и исторической жизни, где есть место аксиологическим параметрам культуры, индивидуально-генетическим процессам истории и где необходимо использовать специфические теоретико-методологические формы исторической типологизации.

Уже в самых ранних научных определениях типа подчеркивается его методологическая значимость при изучении естественных наук. Тип рассматривался здесь как некая обобщающая форма, которая допускает отклонения в индивидуальных состояниях, к ней относящихся. Собственно так и понимал логические возможности типа И.-В. Гете, обосновавший значение этой категории для науки. Исследования в области сравнительной анатомии и, в частности, анализ возможности создания общего типа скелета млекопитающих, привели его к следующему заключению: «Как, однако, найти такой тип – это показывает нам уже само понятие такового: опыт должен научить нас, какие части являются общими всем животным и в чем разница этих частей у различных животных; затем вступят в дело абстракция, чтобы упорядочить их и построить общий образ»³.

Тип характеризуют обычно как форму определенного рода, как образец для ряда родственных предметов. Будучи формой, тип выступает в качестве основы схожих или родственных индивидов, сохраняя, что очень важно, конкретные и, в том числе, наглядные черты обобщаемых объектов. Тип как форма обобщения методологически существенен именно своей способностью выразительного обозначения конкретных, индивидуально данных образований. Тип есть лаконичное, как бы «спрессованное» выражение общности «родственных» объектов, несущее конкретные «следы» этих объектов.

Многократно отмечалось, что именно своей обращенностью к конкретно-особенному и даже наглядному тип отличается, во-первых, и от понятия, и от закона, главное предназначение которых – установление устойчивого необходимого и повторяющегося, а главное, абстрактного. Конечно, как понятие, так и закон, строя свои

абстракции, имеют дело с конкретными предметами, объектами, т. е. с эмпирическим миром. Однако в своем содержании они не сохраняют конкретно-индивидуальные и наглядные свойства эмпирических объектов. Чтобы перейти в этом случае к особенному, надо обратиться к так называемой «форме проявления» понятия и закона (несистемная совокупность «проявления» замкнута здесь на абстрактную «форму» понятия или закона) или к единичному объекту, существующему в своей единичной форме. Тип, в свою очередь, уже в своем содержании несет признаки отдельных предметов, явлений и процессов, их конкретно-индивидуальные черты.

Тип отличается, во-вторых, от класса, а типологизация – от классификации. Если в процессе классификации устанавливается равенство всех «видов» перед «родом», то в процессе типологизации выявляются общие черты всех видов (при всем их индивидуальном разнообразии), и эти общие черты в особенном как раз и обеспечивают содержательное наполнение типа. Отмечалось не раз, что если классификация – это раздельное и последовательное распространение признаков, образующих классы, то типологизация представляет собою целостное рассмотрение признаков объекта. Классифицировать можно, выбирая при построении того или иного класса любое свойство. Типологизация предполагает, в свою очередь, необходимость определения системно организованных существенных признаков особенного. Типологизация нацелена, как отмечалось в работе конце 70-х гг. истекшего века, на отображение реальной сложности и связей, текучести явлений, глубинных структур материала, она «не подчиняется формально-логическим требованиям классификации – не требует единства критериев классификации, жесткого разграничения и взаимоисключения групп (объединяющих однотипные предметы) и т. п.»⁴.

Анализ соотношения понятий класса и типа предпринимался также и в статье Д. П. Горского «Понятие о реальных и идеальных типах» (Вопросы философии. 1986. № 10). Д. П. Горский начинает свою статью с определения понятия «множество» («класс»). Множество есть обобщение предметов или их свойств, или даже отождествление этих предметов и этих свойств. Понятие множества (класса), напоминает Д. П. Горский, было дано немецким математиком второй половины XIX в. Г. Кантором, который понимал под множеством всякое многое, которое можно мыслить как всякую совокупность определенных элементов, которая может быть связана в одно целое с помощью некоторого закона. Уточняя свой подход («Основы общего учения о многообразиях»), Кантор вводит прин-

цип свертывания, согласно которому множество может быть только определенным, т. е. каждый объект данной области исследования принадлежит данному множеству.

Всякие множества и подмножества имеют четкие границы и понятия. Такого рода множества Д. П. Горский называет «простейшими классификационными понятиями», или «классификационными понятиями о свойствах». Множества или классы равны (совпадают), если их элементы, свойства, отношения имеют один и тот же объем. В этом смысле важным является принцип объемности (экстенциональности). В математике принцип объемности проявляется четко и даже «тривиально», всякий элемент, всякое единичное может быть выразителем множества (любой отдельный треугольник представляет треугольник вообще). Принцип экстенциональности в математических науках реализуется достаточно легко, просто. Другое дело – опытные науки и обществоведение. Здесь, как подчеркивает Д. П. Горский, необходимо учитывать, во-первых, подвижность, неопределенность, диалектичность границ между множествами и подмножествами, а, во-вторых, момент сущности равнообъемных свойств⁵. В этом случае уже невозможно строить обобщения, абстракции, опираясь на классификационные понятия о свойствах.

Понятие типа, уточним, оказывается тут существенно необходимым – прежде всего потому, что данное понятие в отличие от понятия класса обозначает не только общность свойств отдельных объектов, но и их подвижность, а также и некоторую неопределенность границ и этих объектов, и их общих свойств. Понятие типа, что особенно важно здесь, является гибким, обладает логическими возможностями фиксации конкретно-особенных форм развивающихся объектов реального мира – природы, и в особенности, исторической жизни и культуры. Анализируя сущность типа, Д. П. Горский опирается так же и на книгу К. Г. Гемпеля и П. Опенгеймера «Понятие типа в свете новой логики» (Hempel C. G., Oppenheimer P. Der Typus-begriff im Lichte der neuen Logik. Leiden, 1936). Последние показали, что недостаточно, как это обычно делается, просто фиксировать внимание на признаках-свойствах, которые либо принадлежат, либо не принадлежат индивидуумам изучаемой области. Наряду с этой, скажем, абстрагирующей формой образования обобщений, существует и другая, конкретизирующая форма, когда свойства, фиксируемые в соответствующих понятиях, принадлежат изучаемым предметам в большей или меньшей степени. Это уже не простейшие классификационные понятия, а понятия «сту-

пенчатые», отражающие «ступенчатость», «текучесть», «переходность» свойств индивидов определенной группы, как раз и представляющей собою тип. Понятия типа и простейшего классификационного понятия лежат в основе разного рода систематизаций, классификаций и типологий. К. Гемпель и П. Оппенгеймер различали эмпирические типы, выражающие ступенчатость проявления одного и того же свойства у некоторой группы объектов, и типы идеальные, выступающие как предельные случаи характеристик действительных и воображаемых предметов. Идеальные типы, по их мнению, – это некие предметные свойства, к которым приближаются свойства других предметов, образующих тот или другой тип.

В этой связи Д. П. Горский вносит принципиально важное уточнение. Идеальный тип, с его точки зрения, – это не мыслимая, воображаемая, интуитивно данная конструкция, а классический случай, образец, содержащий элементы упорядоченного множества A со степенью принадлежности A , равной 1. Именно этим идеальный тип отличается от простого множества (класса)⁶. Идеальный тип, замечает Д. П. Горский, так же выражает объективную реальность. Однако он строится на основе идеализации и представляет собою идеализацию (идеальный газ, абсолютно черное тело, капитализм, закон стоимости и т. д.). Тут речь идет о понятиях, законах науки, научных теориях. Что касается реального типа, то он, во-первых, укоренен в действительности как некоторая форма, имеющая свою структуру, а во-вторых, определяется на основе степени принадлежности элементов множества к самому множеству. Различия между классом и типом, по Д. П. Горскому, относительно, диалектичны. Если реальный тип как понятие характеризуется некоторой условностью (лучше было бы сказать – неопределенностью, восходящей к конкретике его проявлений), то понятие класса предполагает точную, определенную фиксацию параметров свойства (или свойств), характеризующих предметы данного множества. Так можно считать, что понятие «высокий человек» является типом, в то время как утверждение «высоким человеком мы будем называть такого, рост которого равен или выше 185 см» позволяет выделить два класса – класс высоких людей и класс невысоких людей⁷.

Важным, с точки зрения анализа конкретной и в том числе исторической действительности, является положение Д. П. Горского о том, что реальный тип выступает как изменчивое, развивающееся образование. Во-первых, полнота характеристик однотипных явлений неодинакова и накапливается последовательно (приближаясь к степени 1; таким был, по его

словам, процесс становления капитализма в Англии в XVII – середине XIX в.), и в этом случае тип является историко-генетическим образованием. Во-вторых, тип может деградировать и полностью исчезать. Понятие типа, и это хотелось бы подчеркнуть, открывает существенно важные методологические возможности. С одной стороны, он есть обобщающая форма, фиксирующая конкретно-особенные черты родственных объектов. С другой стороны, тип изменчив, текуч; он способен выражать момент развития, генезиса, в том числе и генезиса историко-культурного характера. «Подвижность» типа задана его ориентацией на конкретику, на самую тесную связь с реально протекающими процессами. Если рассматривать тип как систему признаков, то можно ставить вопрос о некоем «поведении» типа, точнее о разновременной перестройке «базисных» и «надстроечных» признаков.

Исследуя эту тему, Г. С. Лебедев писал в этой связи о четырех вариантах «поведения» типа: во-первых, это активная трансформация типа, когда нарастают надстроечные признаки без перестройки базисных; во-вторых, это пассивная трансформация типа, которая характеризуется убыванием надстроечных признаков без изменения базисных; в-третьих, выделяется прогрессивная эволюция типов, где развитие идет за счет согласованного и равномерного нарастания признаков всех классов и установления новых отношений внутри структуры; наконец, в-четвертых, выделяется регрессивная эволюция типа, когда происходит равномерное убывание признаков всех классов с сокращением внутрискруктурных связей⁸.

Типологический анализ, вообще, возможен именно как анализ изменчивых состояний; здесь всегда важно осмыслить не только зрелое состояние типа, иными словами, ставшую индивидуальность типологической целостности, а и пограничные ситуации, когда умирают старые типы (или признаки типов) и рождаются новые, когда формируются новые синтезы, когда складываются новые структурные связи. Понятие типа используется при анализе изменчивых, в том числе исторически развивающихся, системно организованных объектов, состояний. Поэтому определение типа нельзя редуцировать только к единичной, отдельно взятой характеристике. Ибо тип, напомним еще раз, – это прежде всего форма, оформленное целое, способное к развитию, обладающее свойством согласованного изменения элементов этого целого. Это важно учитывать, в особенности, в гуманитарных науках. К примеру, историка культуры, изучающего ценностные миры исторических индивидуальностей (культуры исторических эпох,

К вопросу о специфике типологического анализа в культуре

национальные культуры, культуры социальных групп, духовный мир личности и т. д.), интересует прежде всего названный второй аспект, т. е. рассмотрение типа как системного целого. Именно в этом смысле использовали понятие типа Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и многие другие. Причем, анализируя сущность типа как системного целого, подчеркнем уже здесь, исследователь идет не только от опыта, не только от фиксации к классификации признаков и даже не от уже известных концепций (которых может и не быть), а зачастую именно от интуитивно данного целостного образа, от некоего прозрения, которое рождается, конечно, не на пустом месте, а на основе конкретных данных опыта и обобщающего знания.

По общему мнению самых разных исследователей, тип есть общелогическая форма, которая может использоваться в самых разных науках – как естественных, так и гуманитарных – и которая способна выполнять две прямо противоположенные функции – быть обобщающей, синтезирующей формой существования многообразных, «родственных» объектов, с одной стороны, и конкретной, даже наглядной формой, хранящей «следы», «отпечатки» этих объектов, с другой. Нет никакого сомнения в том, что в исторических науках и культурологии, исследующих исторически конкретную жизнь общества, постигающих историческое индивидуальное, понятие типа с его обобщающе-конкретизирующими возможностями становится просто незаменимым. Однако – и эта оговорка является очень важной – использование понятия типа в исторической и культурно-исторической сферах в обозначенных общелогических (т. е. относящихся ко всей совокупности наук) смыслах обозначает проблему, очерчивает ее, не проникая в ее глубину. Другими словами, общелогический подход к типу здесь не является достаточным, исчерпывающим. Там, где математика, физика и биология могут вполне удовлетвориться обозначенной выше общей логикой типологических построений, гуманитарные и, в особенности исторические, науки должны, еще раз подчеркнем, идти дальше – к осмыслению глубокой специфики употребления названного понятия в области исторического бытия человека. Ведь история общества – это динамический процесс развития, в котором активно и сознательно действуют люди, наделенные волей, способностью к творческому труду, к созиданию многообразных, иерархически выстроенных ценностных миров культуры. Историческое бытие человека протекает как процесс, подчиняющийся не только однозначной и необходимой силе законов, а и свободе человека, встречающего все новые и

небывшие исторические состояния, создающего свою особую – общественную – реальность. Бытие человека «пронизано» историей, памятью, многообразием снова и снова востребованных «следов», тем, что называют наследием.

Всякая попытка некритически и «безоговорочно» перенести общелогические определения типа, вполне работающие в естествознании, в сферы истории и культуры, может вести, и реально приводит к натуралистическому редуционизму и морфологизму, построению фаталистического, «монотонного» образа истории в духе циклических концепций, а тем самым к «моноцентристским» представлениям об исторической типологизации, когда пытаются создать некое классическое «идеальное», как бы образцовое состояние типа и под его мерки подгоняют реальные типы. Настаивая на организационной целостности типа, на его исторически индивидуальном своеобразии, сторонники концепций культурно-исторических типов (Г. Рюккерт, Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер и др.), как правило, не видят того, что сам тип полицентричен, многолинеен и представляет собою динамически напряженное, противоречивое единство.

Такого рода перенос общелогических представлений о типе на специфические сферы исторического и культурно-исторического характера свойственен для XIX и XX столетий. Он не изжит и по сей день; еще и сегодня господствует «моноцентристский», натуралистический, «морфологический» взгляд на сущность исторической типологизации – взгляд столь же «удобный», сколь и легковесный, спрямляющий и упрощающий, а значит, искажающий объективно данный исторический и, в том числе историко-культурный процесс.

Тип как понятие и типологический анализ как метод незаменимы при анализе исторических индивидуальностей культуры. Тип есть форма обнаружения конкретного, даже наглядного, и одновременно он обладает ярко выраженным обобщающими, синтезирующими возможностями. Использование метода типологизации обеспечивает возможность синтеза и соотносительного анализа специфических сфер культуры определенной исторической эпохи или определенного народа – от философии и естественных наук до искусства, нравственности и религии.

Тип, подчеркнем еще раз, – это такая логическая форма, которая выражает подвижность, текучесть процессов, т. е. то как раз, что и необходимо при исследовании развития исторического генезиса индивидуальных образований культуры, их появления, синтезирования, взаи-

модействия и др. Наконец, существенно и то, что типологический анализ может быть развернут аксиологически, позволяя исследовать динамическую природу иерархического «универсума» культуры. Историко-культурный тип получает тем самым онтологическую духовную укорененность. Вместе с тем, тип – это гносеологическая форма, отражающая онтологически данные типологические характеристики, и будучи таковой, нуждается в серьезном теоретическом и методологическом осмыслении, в рациональном рассмотрении диалектики объективного и субъективного, ценностного и логического, критериев объективности, процедур теоретического доказательства и др. Эти и другие проблемы были поставлены – притом в теоретически глубокой и развернутой форме М. Вебером, идеи которого явились существенным теоретическим прорывом в гуманитарных науках вообще и в построении концепции культурно-исторической типологизации, в особенности. Прежде всего, это относится к проблеме идеального типа, который он трактует не как идеализированный предельный случай характеристик действительных и воображаемых объектов, к которому эмпирические, «реальные» типы, какими они складываются в природной и социальной сферах, только приближаются (К. Гемпель, П. Оппенгеймер, а в исследовании исторических процессов Д. П. Горский и М. А. Барг), а в приложении к социально-историческим явлениям, где естественнонаучный подход к осмыслению типа вполне адекватный при исследовании природных явлений обнаруживает свою недостаточность, ибо в социальной действительности, истории и культуре метод идеализации выступает совсем иначе, чем при анализе типологических характеристик в естественных науках.

Культурно-исторический тип, как уже отмечалось, непосредственно сопрягается с понятием идеального, с его разными смысловыми центрами. Идеальный тип, если взять его абстрактные, понятийно-логические параметры, – это образец, предельный случай, к которому приближаются или от которого отдаляются родственные по отношению друг другу реальные объекты. Культурно-исторический тип идеален и как некоторое конкретное онтологическое начало, как специфическая духовная реальность, которая обусловлена открытостью человека свободе, творчеству, создание никогда небывшему ранее.

Номотетистские, морфологические и натуралистические подходы к определению культурно-исторического типа как объективной реальности здесь явно недостаточны, хотя их использование и может быть полезным. Тут не-

обходимы сложные методологические процедуры идиографического плана, ибо культурно-исторический тип сам по себе индивидуален, а не дан как закон природы, как морфологическая структура.

Идеальность типа проявляет себя и еще в одном – чисто гносеологическом смысле, а именно как идеальная «формальная» конструкция, нацеленная на постижение материального процесса исторического развития. Такое гносеологическое понимание идеального типа связано с именем М. Вебера, которому по праву принадлежит заслуга всестороннего анализа именно теоретико-методологической проблематики исследования истории и культуры. Особенности обобщения в естественных науках и в истории, соотношение социологической и исторической (историко-культурной) типологии, взаимосвязь родовых и идеально-типических понятий, идеально-типических образований и фактов, субъективное и объективное в идеально-типических построениях, тип как целостность – эти и другие проблемы были им поставлены исключительно обстоятельно и глубоко.

М. Вебер исходит из того, что невозможно создать раз и навсегда систему замкнутых понятий, в рамках которой можно представить действительность в «некотором **окончательном** членении». Гносеологически данные границы исторически изменчивых индивидуальных явлений остаются зыбкими, меняются мыслительные связи, в рамках которых постигается исторический индивидуум. Полной бессмыслицей считает он окончательное и объективно значимое построение не только системы понятий, но и простой систематизации и классификации проблем и областей знания в науках о культуре⁹. М. Вебер отрицает в этой связи возможность и плодотворность некритического перенесения методов естественных наук в науки о культуре. В естественных науках опирались и опираются на возможности генерализирующей абстракции и на эмпирический анализ, ориентированный на установление объективных законов связи между явлениями. Здесь идут к рациональному и однозначному осмыслению системы понятий – «метафизической по своей значимости, и математической по своей форме»¹⁰.

В исторических науках, в науках о культуре также исходят, как правило, из представлений о возможности построения «непосредственно **очевидных** законов» на основе непосредственно данной аксиоматики переживаний – общечеловеческой по своей сути. Однако социально-психологические факторы будут «работать» только тогда, когда исследователи обратятся не

К вопросу о специфике типологического анализа в культуре

к общечеловеческим психологическим предпосылкам, а к психологическому поведению человека в специфических социальных связях, т. е. к конкретному поведению людей в рамках определенных институтов: «Исследование в области социальной психологии означает тщательное изучение единичных, часто несовместимых по своему типу элементов культуры в свете возможного их истолкования посредством нашего сопереживания и понимания. Таким образом, мы, отправляясь от знания отдельных институтов, придем к более глубокому духовному **пониманию** их культурной обусловленности и культурного значения, вместо того, чтобы выводить институты из законов психологии или стремиться их **объяснить** их с помощью элементарных психологических явлений»¹¹.

М. Вебер решительно возражает тут всем тем, кто выстраивает некий абстрактно данный этос поведения людей, некие общезначимые социологические схемы, опираясь на которые можно было бы с легкостью исследовать жизнь людей в разные эпохи и в разном этническом контексте. Конечно, исторический процесс подчиняется всеобщим законам социологического порядка, так же как, разумеется, существуют и общечеловеческие нормы поведения, высшие ценности и абсолюты. Но в истории всегда остается, по мысли М. Вебера, нечто трудно уловимое, нечто специфическое в исторически изменчивых общественных системах, что собственно и должно составлять главный объект исторического исследования как такового. Задача историка – объективное исследование качественно своеобразных индивидуальных образований, их влияния друг на друга. Ибо, подчеркнем и мы, исторически особенное – это не просто «форма проявления» всеобщих законов, общечеловеческих норм и высших ценностей, а конкретно данная целостность, историческая форма, которая онтологически преходяща, а гносеологически предстает как объект перманентного процесса переосмыслений. На анализ подвижных состояний поэтому должны быть нацелены и логические инструменты исторического познания. Исторические формы особенного, зафиксированные в понятиях – всегда относительны. Все абстракции всегда в чем-то односторонни, с их помощью невозможно охватить всю действительность сразу и всесторонне. В науках о культуре будут возникать все новые понятия, упорядочивающие, т. е. обобщающие, синтезирующие историческую действительность, сложившиеся исторические формы.

М. Вебер причисляет себя к представителям исторической школы. Но он в отличие от других ее представителей не считает, что

«конечной целью, назначением каждой науки является приведение ее материала в систему понятий, содержание которых должно быть получено и постепенно усовершенствовано посредством наблюдения над эмпирической закономерностью образования гипотез и верификации последних, вплоть до того момента, когда это приведет к возникновению «совершенной» и поэтому дедуктивной науки»¹². Он исходит из того, что научные понятия – это только преходящие мыслительные средства, обеспечивающие «духовное господство» над эмпирической реальностью. Нет конечной цели познания, как нет и дедуктивной науки, овладевшей раз и навсегда понятийным аппаратом. Конечная цель тут мыслится логически невозможной, а понятия – средством достижения не общей, конечной цели, а отдельных исторически конкретных целей¹³.

Оставаясь в пределах научно-теоретического исследования необходимо, конечно, устанавливать причинно-следственные связи, опираться на принцип каузальности. Но в истории и культуре, подчеркивает он, открытые однажды каузальные связи представляются не как раз и навсегда заданные и общезначимые, «общечеловеческие», а как «индивидуальная историческая каузальность». Другими словами, в истории, так же как и в культуре как исторической реальности, обнаруживаются не только общесоциологические закономерности, хотя они есть и их познание необходимо, а сообразное с общеисторическими законами и одновременно протекающее в специфической форме воздействие одной исторически самобытной индивидуальности на другую. Знание законов причинной обусловленности – это только средство познавательной деятельности, цель которой никогда не завершающийся процесс, направленный на постижение «таинственной субстанции» исторического индивидуального.

Любая наука обобщает, находится в постоянных поисках необходимого повторяющегося и устойчивого. Это относится и к общественным, социальным и культурно-историческим процессам. Однако поскольку социальные, исторические и культурологические науки имеют дело с индивидуальными состояниями, постольку здесь нельзя опираться только на общесоциологические законы с их атрибутами всеобщности, необходимости и повторяемости. Тут необходимы обобщения, логические формы особого рода, нацеленные на конкретную и системную фиксацию особенного, изменчивого и вариативного в истории и культуре. Типологические обобщения как раз и принадлежат к их числу.

Примечания

¹ Баткин Л. М. Тип культуры как историческая целостность: методол. заметки в связи с итал. Возрождением // *Вопр. философии*. 1969. № 9. С. 106–107.

² Там же. С. 100.

³ Гете И. В. Избранные сочинения по естествознанию. Л., 1957. С. 194.

⁴ Типы в культуре: методол. проблемы классификации, систематики и типологии в социал.-ист. антропол. науках. Л., 1979. С. 366.

⁵ Горский Д. П. Понятие о реальных и идеальных типах // *Вопр. философии*. 1986. № 10. С. 26–27.

⁶ Д. П. Горский ссылается при этом на книгу А. Коф-

мана «Введение в теорию нечетких множеств» (М., 1982), а также на предисловие Л. А. Заде к этой книге.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Лебедев Г. С. Археологический тип как система признаков // Типы в культуре: методол. проблемы классификации, систематики и типологии в социал.-ист. и антропол. науках. Л., 1979. С. 85–86.

⁹ Вебер М. Объективность познания в области социальных наук и социальной политики // *Культурология: XX в.: антология*. М., 1995. С. 574–575.

¹⁰ Там же. С. 575.

¹¹ Там же. С. 579.

¹² Там же. С. 596.

¹³ Там же. С. 597.